

УДК 811.111
ББК 81.432.1
DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_72

МОДУС ВООБРАЖЕНИЯ В КАТЕГОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Татьяна Ивановна Семенова,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 1
Иркутск, 664025, Россия
tisemenova54@mail.ru*

*Анна Сергеевна Ишенина,
orcid.org/0000-0002-5271-6217,
аспирант
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 1
Иркутск, 664025, Россия
anna.ishenina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена общетеоретической проблеме языковой категоризации и концептуализации когнитивных процессов, ментальных действий и состояний. Статья нацелена на исследование языковой концептуализации когнитивного процесса воображения и обоснование его категориального статуса. Лингвокогнитивный подход к ментальной лексике как к мысленным репрезентациям позволил высветить сложность семантической структуры предикатов воображения, их способность репрезентировать не только собственно когнитивный процесс формирования образов, но и содержание когнитивного процесса воображения. В результате исследования языкового воплощения воображения как фрагмента англоязычной языковой картины мира установлен языковой статус данного ментального феномена как категории модусного типа и выявлен ее семантический потенциал. Полученные результаты вносят вклад в исследование языковых форматов знаний об онтологически ненаблюдаемой внутренней сфере человека.

Ключевые слова: воображение, структура знания, ментальная репрезентация, ментальный образ, языковая концептуализация, категориальный статус, модус.

MODUS OF IMAGINATION IN THE CATEGORIAL SPACE OF THE ENGLISH LANGUAGE

*Tatiana I. Semenova,
orcid.org / 0000-0002-8929-699X,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Str.
Irkutsk, 664025, Russia
tisemenova54@mail.ru*

*Anna S. Ishenina,
orcid.org/0000-0002-5271-6217,
Postgraduate
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Str.
Irkutsk, 664025, Russia
anna.ishenina@yandex.ru*

Abstract. The theoretical background of the research is a set of principles and assumptions of cognitive linguistics to the study of the interrelation of linguistic and cognitive structures. The goal of the paper is to consider linguistic conceptualization of mental imagery. Linguocognitive approach to mental verbs as mental representations enables to highlight the complexity of the semantic structure of imagination predicates. The paper brings into focus the issue of the categorical status of the linguistic phenomenon of imagination. It is argued that imagination is structured in the language as a modus category in which the role of the cognizing subject is fixed. The authors claim that modus of imagination represents a specific knowledge structure of the formation of mental images of objects, situations, and states of affairs in the mind of a cognizing subject. The findings obtained may be helpful for further study of the role of language in providing access to cognitive structures and to understanding how human mind works.

Key words: imagination, knowledge structure, mental representation, mental image, linguistic conceptualization, categorical status, modus.

Введение

Проблемы «чужих сознаний», человеческой субъективности, ментальности с давних пор стояли в центре внимания логиков, философов и лингвистов [Malcolm, 1975; Putnam, 1975; Austin, 1979; Searle, 1999; Кубрякова, 2004; Рябцева, 2005; Арутюнова, 1999; Демьянков, 1992]. Но лишь подход к языку как к самой существенной части когнитивной системы человека позволяет приблизиться к пониманию того, как происходит восприятие, структурирование, интерпретация мира в сознании человека. Активная роль языка в познании выдвигается в трудах немецкого философа Э. Кассирера, в трактовке которого задача языка заключается в том, чтобы «отражать и воспроизводить сущность познания» [Кассирер, 2002, с. 117]. Исследование роли языка в фиксации структур знания и опыта позволяет предвидеть, что многие философские и логические вопросы, связанные с проблемой ментальности, «окажутся на самом деле вопросами языка и решатся на лингвистическом уровне» [Шатуновский, 1996, с. 21]. В ракурсе антропоцентрической парадигмы исследование языковой концептуализации таких познавательных процессов, как память, мышление, восприятие,

воображение нацелено на реконструкцию ментального мира как «центральной проблемы когитологии» [Рябцева, 1993, с. 56]. Постановка проблемы репрезентации разных структур знания в сознании человека и операций с ними предопределена пониманием языка как когнитивной способности в его неразрывной связи с другими ментальными феноменами – памятью, восприятием, мышлением воображением [Урысон, 2003; Апресян, 1995; Кустова, 2004; Зализняк, 2006; Рябцева, 2005]. Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию, являясь «в настоящее время той самой единственной когнитивной системой, о которой известно более, нежели о других системах» [Кубрякова, 2004, с. 47]. С позиций когнитивной лингвистики осмыслению подвергаются именно лингвистические аспекты протекания познавательных процессов вследствие того, что познание ментальных процессов и принципов организации когнитивной системы в сознании «без теории языка и теории языковой способности, как и теории овладения языком, просто нереально» [там же]. Внутренняя сфера человека – чувства, эмоции, ментальные действия, состояния и прочие интериоризованные процессы, онтологически недоступные восприятию, становятся предметом лингвистического анализа «на основании семантического анализа соответствующих языковых единиц» [Зализняк, 2006, с. 422].

Актуальность исследования воображения как определённой структуры представления знания о ментальной сфере человека обусловлена важностью дальнейшего изучения когниции – того, как в языковом сознании отображается конструирование воображаемой реальности и в какой языковой категории фиксируется роль познающего субъекта. *Целью* статьи является исследование языковой концептуализации когнитивного процесса воображения и обоснование его категориального статуса.

Материалы и методы

Методологической основой исследования воображения как когнитивно-познавательного процесса является лингвокогнитивный подход, направленный на анализ корреляции структур знания и языковых структур в языковой концептуализации воображения как способности формировать в сознании субъекта ментальные образы объектов или ситуаций при отсутствии перцептивного стимула. Подход к описанию ментальной лексики как к мысленным репрезентациям высвечивает сложность семантической структуры предикатов воображения, их способность репрезентировать не только собственно когнитивный процесс формирования образов, но и содержание когнитивного процесса воображения.

Анализ и результаты

Как психический феномен, воображение понимается как особая форма когнитивно-познавательной деятельности, в ходе которой формируются ментальные образы предметов, ситуаций, не обладающих онтологическим статусом вне мышления [Веккер, 1998; Немов, 2003; Выготский, 2000]. В рамках концепции миропорождения воображаемая реальность

интерпретируется как «возможный», ментальный мир и, говоря словами Ю. С. Степанова, «его интенционалы не завершены экстенционалами» [Степанов, 2001, с. 22]. Ментальная модель воображаемого мира, материализованная в языковых знаках, трактуется «как объект лингвистической онтологии» [Переверзев, 2000]. Языковые единицы с семантикой воображения имеют статус миропорождающих, они вводят, в терминах Э. Гуссерля, модусы сознания «как бы» [Гуссерль, 1998]. Теория возможных миров, как убедительно аргументирует Анна Зализняк [Зализняк, 2006, с. 428], является эффективным инструментом для анализа предикатов внутреннего состояния, позволяя сформулировать ограничение на характер ситуации, соответствующей подчинённой пропозиции. В терминах теории ментальных пространств языковые единицы с семантикой воображения выполняют роль «конструкторов пространства» (*space builders*), при помощи которых конструируется концептуальное пространство воображения [Fauconnier, 2003], которое имеет «онтологически субъективный модус существования» [Searle, 1999, p. 44].

Один из постулатов когнитивной лингвистики гласит о том, что языковые обозначения свидетельствуют о процессах познания и восприятия мира. Именно поэтому в исследовании языковой концептуализации таких познавательных процессов, как память, мышление, восприятие, воображение, особая роль отводится ментальной лексике, изучение которой может внести вклад в «когнитивную картину» языка» [Рябцева, 2005, с. 268]. Задача при этом заключается в том, чтобы найти противопоставления, «релевантные именно для семантики языковых единиц, а не для ментальных состояний как таковых» [Зализняк, 2006, с. 422]. Языковое воплощение воображения как способности формирования ментального образа объектов и ситуаций, не заданных чувственным опытом, вербализуется глаголами «создания образа» (термин Е. В. Падучевой), ср.: *imagine, anticipate, conceptualize, picture, envisage, fancy, fantasize, conjure up, see, perceive, create, dream, visualize* [CED; OLD]. Семантика предикатов воображения соотносится с определённым способом познания мира, который трактуется как способность человека создавать мысленные образы того, что может существовать и быть наблюдаемым только в уме [Апресян, 2004; Урысон, 2003; Рябцева, 2005; Шерсткова, 2009]. Несоответствие содержания ментального объекта действительности является презумпцией глаголов воображения [Шатуновский, 1996, с. 268]. Как и другие интенциональные связки, глаголы со значением воображения эксплицируют «человеческое присутствие» в языковом представлении внеязыковой действительности, и тем самым они принадлежат не миру, но «способу отражения мира в мышлении и языке» [там же, с. 55].

Ментально-когнитивная деятельность, посредством которой происходит разного рода квалификация, интерпретация, осмысление пропозиционального содержания высказывания, трактуется в концепции модусно-диктумного членения предложения в терминах модуса [Балли, 1955]. Модусный уровень предложения-высказывания фиксирует результаты мыслительной, оценочно-квалификативной деятельности человека, производимой над концептуальным

содержанием диктумной пропозиции. Отражательная деятельность человеческого сознания, его интерпретирующая функция закреплена в системе языка в виде модусных категорий [Болдырев, 2019]. Модусные категории «обслуживают» сферу выражения человеческого сознания, объективируя познавательное отношение человека к миру. Другими словами, модус – «это языковое выражение рефлексии говорящего относительно содержания диктума» [Семенова, 2007, с. 59], и «следы» этой рефлексии объективируются в виде синтагматически изолированных модусных знаков. Таксономия модусных категорий включает категории, в основе формирования которых лежат соответствующие модусные концепты [Болдырев, 2016]. Диапазон модусных смыслов, в основе которых лежит интерпретативная, познавательная, рефлексивная деятельность познающего субъекта над пропозициональным содержанием, постоянно расширяется. Так, например, в зависимости от «фиксации» модусным глаголом определённой когнитивной деятельности человека, выделяют модусы важности [Трипольская, 1992], воспоминания [Кораблина, 2015; Перфильева, 2012], надежды [Перфильева, 2016], осторожности [Матханова, 2005], кажимости [Семенова, 2007], типичности [Трушков, 2017]; авторизации и персуазивности [Боуфал, 2017], ментальный модус [Рябцева, 1993], модус ценностной концептуализации [Вара, 2013]. В качестве научной перспективы выдвигается задача по типологизации субъективных модусов и их языковой объективации, что позволит «получить субъективный аспект картины мира, присущий данному социуму» [Вольф, 2003, с. 100].

В категориальном пространстве языка в статусе модусной категории может трактоваться и воображение как структура знания о формировании в сознании ментальных образов ситуаций, положений дел, которые «не имеют онтологической привязки» [Арутюнова, 1999, с. 320]. Высказывания с модусными глаголами воображения представляют собой модусные полипропозициональные ситуации в единстве первичной денотативной ситуации (диктумной), отражающей некоторое воображаемое положение дел, и ситуации отражения (модусной), которая вербализуется модусным глаголом со значением воображения. Именно построение отображения первичной денотативной ситуации субъектом определяет содержание модусного признака [Камшилова, 1995, с. 25].

Способность к отображению и осознанию внешнего и внутреннего опыта, рефлексия над своими ментальными состояниями коррелирует с понятием метарепрезентации [Клепикова, 2008]. Как отношение метарепрезентирования трактуется и взаимосвязь между диктумной и модусной пропозициями. Механизм модусной категоризации заключается в интеграции двух когнитивных ситуаций в одно полипропозициональное целое в формате метарепрезентации. Понятие метарепрезентации вводится по отношению к глаголам, подчиняющим интенциональный объект, вводимый придаточным изъяснительным. Т. А. Клепикова высвечивает двойственность репрезентационной функции глаголов ментальной деятельности, которая заключается в их способности репрезентировать не только собственно

когнитивный процесс, но и содержание данного когнитивного процесса. Таксономия метарепрезентационных глаголов включает и глаголы с семантикой воображения *anticipate, conceive, envisage, dream, fancy, fantasize, figure out, see*, которые трактуются как метакогнитивные, метаэпистемические [там же, с. 238]. Пропозиция, вводимая метарепрезентационными глаголами, концептуализирует некоторую репрезентацию, которая является интенциональным объектом в метакогнитивном процессе.

Репрезентационная семантика модусных предикатов как внутренних репрезентаций внешнего мира коррелирует с репрезентационной теорией сознания [Devitt, 1985; Fodor, 1980]. Выделяют два вида репрезентирования – языковое и ментальное. Языковые репрезентации – это вербализованные ментальные репрезентации. Для нашего исследования важно отметить, что понимание термина «репрезентация» не ограничено презумпцией существования некоторого репрезентируемого объекта. Напротив, отмечается, что «ментальные репрезентации могут не только замещать объекты и процедуры действия, но и порождать их – «как бы строить из воздуха» объекты или целые ситуации, то есть репрезентации теперь могут создавать фиктивные объекты, которые «как бы отражаются» этими репрезентациями» [Кубрякова, 2012, с. 101]. Когнитивная деятельность, концептуализируемая глаголами воображения, позволяет производить «репрезентацию в уме отсутствующего объекта или события» [Солсо, 2006, с. 327]. Ментальные образы, как интенциональные объекты глаголов воображения, репрезентируют содержание когнитивного процесса воображения, которое принадлежит только концептуальному миру познающего субъекта.

Репрезентационная природа ментальных глаголов означает, что они «имеют областью своей денотации не ситуацию действительности, а ее отображение в сознании, ее мысленный образ, мысленную картинку» [Ильчук, 2004, с. 23]. Область денотации, в понимании О. Н. Селиверстовой, представляет собой преобразованный сознанием действительный мир, это может быть один из возможных миров, «мир вымысла», система научных представлений, мир художественного произведения [Селиверстова, 2004, с. 386-392]. Пропущенный через сознание мир выступает денотатом языковых знаков, при этом существенен не реальный характер денотата, а способ его представления, форма его отображения [там же].

Ментальные операции по отношению к подчиненной пропозиции, вербализуемые глаголами воображения, коррелируют с введенными О. Н. Селиверстовой двумя способами отображения первичной денотативной ситуации – «проецируемое» и «конструируемое» отображение. Под проецируемым отображением автор понимает способ представления денотата как заданного в «готовом» виде в акте отображения, и речь при этом идет о построении его проекции в сознании. Так, глагол *imagine* объективирует ментальный образ денотативной ситуации при помощи проецируемого отображения, ср.: *She had walked through the slums and she could imagine the squalor and neglect in which they must live* [Cheever, 2003, p. 268]. Основой воображаемой ситуации являются элементы предшествующего реального

опыта, девушка как бы проецирует пережитую реальность бедственного существования (*had walked through the slums*) на воображаемую ситуацию нищеты, в которой приходится жить детям, обратившимся к ней за помощью. Когнитивный механизм конструируемого отображения предполагает такой способ репрезентации, при котором отношения между объектами не заданы в денотативной ситуации и, следовательно, не могут рассматриваться как известные, например, в воображении можно «нарисовать» (*picture as*) внешность незнакомого человека, ср.: *I had never met Graham but I **pictured him as a pale, thin young man wearing glasses*** [BNC]. Конструируемое отображение позволяет человеку, как познающему субъекту, устанавливать нечто новое о действительности, причём модель этого конструируемого фрагмента не обязательно соответствует действительности. Пропозиции, вводимые глаголами с семантикой воображения, говоря словами Ю. С. Степанова, «интенционально истинны, но не обязательно экстенционально истинны» [Степанов, 2001, с. 22]. Так, в примере ниже описывается конструирование одного из воображаемых миров, в котором предупреждение о необходимости аварийной посадки каузирует формирование в сознании пассажиров ментальные образы ангелов смерти, референты которых отсутствуют в реальном мире, ср.: *The stewardess announced they were going to have an emergency landing. All but the child saw in their minds **the spreading wings of the Angel of death*** [Cheever, 2003, p. 228].

Свойство предикатов воображения, как и других ментальных предикатов, иметь областью своей денотации отображённую в сознании ситуацию, то есть, определённый конструктор, коррелирует с когнитивным механизмом конструирования. Экспланаторный потенциал понятия конструирования для исследования языковой репрезентации когнитивного процесса воображения обусловлен мирозозидающей функцией языка. В наиболее общем виде понятие конструирования (*the construal of the world*) трактуют как процесс понимания и актуализации человеком окружающей его реальности посредством языковых средств [Langacker, 1987; Kövesces, 2006; Кубрякова, 2012; Lee, 2004]. Иначе говоря, язык используется не только для осуществления коммуникативного взаимодействия, в ходе которого происходит обмен знаниями, но и как средство конструирования в процессах категоризации и категоризации внеязыковой реальности в том виде, в котором она «пропущена через сознание» познающего субъекта. Таким образом, под языковым конструированием понимают не только создание посредством языка не существовавшей ранее реальности, но и концептуализацию, категоризацию и интерпретацию мира в целом. В процессе воображения человек может конструировать разнообразные «возможные миры» как языковые модели ментальных миров с разной степенью соответствия действительности – «от достаточно адекватного его отражения до полного искажения, от следования правде или истинности фактов до вымысла, фантазии, от погруженного в прошлое – до предполагаемого, желательного или же неизбежного в будущем» [Кубрякова 2004, с. 529]. В этой связи важным является исследование той коммуникативной роли, которую модусные предикаты воображения играют в конструировании высказывания.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что в семантике модуса воображения представлены несколько типов когнитивных процессов в их языковой концептуализации. Однако, при тесной взаимосвязи друг с другом, каждый когнитивный процесс имеет свои, свойственные только ему признаки, которые имеют языковое закрепление. Диапазон модусных смыслов воображения обусловлен тем, что воображаемая реальность представляет собой особый внутренний модус человеческого бытия, который оказывается вне границ временной семантики. В семантическую структуру глаголов воображения не входит признак 'проспективность', как например, у модусных глаголов *надеяться, опасаться, ожидать* или 'ретроспективность', как у глаголов *помнить, забывать, узнавать, подозревать* [Зализняк 2006; Арутюнова, 1999]. Подвижность темпоральных границ отражается в концептуальных связях воображения с другими модусами и, как отмечает Н. К. Рябцева, «воображение, относящееся к прошлому, связано с памятью, к настоящему – с представлением о вероятности, к будущему – с возможностью» [Рябцева, 2005, с. 268]. Через модус воображения актуализируется образ прошлых ситуаций, ср.: *I imagined Mark and me high on the Walker, on our six day, smashing our way up the face* [BNC]. На отнесенность ментального образа ситуации к модусу памяти указывает прошедшее время модусного глагола и темпоральное определение *on our six day*. Проспективность модуса воображения эксплицируется грамматическим маркером будущего в конструировании предстоящих событий, ср.: *He imagined that once or twice a year he would find himself sitting at the side of her bed in a room with no locks on the door* [Roth, 1997, p. 177]. Конструирование в ментальном пространстве воображения футуристических образов событий, положений дел концептуализируется метакогнитивным глаголом *anticipate*, ср.: *You see I had always anticipated that the people of the year Eight Hundred and Two Thousand odd would be incredibly in front of us in knowledge* [BNC].

Как было отмечено выше, презумпцией глаголов воображения является признак 'несоответствие содержания ментального образа действительности', который актуализируется в верифицируемых и неверифицируемых пропозициях. В контексте верифицируемых пропозиций глаголы с семантикой воображения входят в тематический класс путативных глаголов, для которых значение мнения является ассертивным компонентом. Верифицируемые пропозиции отражают определённый фрагмент действительности, и это отражение может быть верным или неверным, иначе говоря, мнение может быть либо истинным, либо ложным. Этот вид мнения трактуется как «мнение-предположение» [Дмитровская, 1988], «экзистенциальное мнение» [Зализняк, 2006]. Так, на основании отсутствия завещания говорящий выдвигает мнение-предположение о том, что наследство умершего будет поделено между его вдовой и дочерью, ср.: *He hadn't made a will, so I imagine it would be divided automatically between his wife and the child* [Christie, 2002, p. 119]. Грамматическая форма глагола *imagine* в первом лице и настоящем времени эксплицирует говорящего одновременно в роли субъекта речи и субъекта сознания. В случаях несовпадения этих ролей в одном лице в семантику

глаголов воображения входит представление о ложности мнения, выраженного в подчинённой предикации. Мнение-предположение, вводимое глаголами с семантикой воображения, Анна Зализняк представляет конъюнкцией двух пропозиций *X считает, что P & X ошибается* [Зализняк, 2006, с. 124]. Ошибочность мнения эксплицируется констатацией положения дел в действительности и ее ментальным образом в воображаемой реальности, ср.: *I am not at all sensitive sort of person he imagines I am* [Christie, 2002, p. 132]. На ошибочность мнения указывают языковые единицы с семантикой отрицательной истинностной оценки *error, wrong, mistake*, как, например: *Then I knew I had a dangerous mistake hitting Ricks. I had imagined he was so spineless and such a scrounger I could pay for that punch with a ten dollar bill* [Chase, 2003, p. 224]. В прошедшем ретроспективном глагола *imagine* возникает импликатура 'на самом деле, фактически оказалось иначе'. Как явствует из примера, представление о Риксе как о безвольном попрошайке, который за десять долларов забудет про нанесённый ему в драке удар, оказалось ошибочным.

В контексте неверифицируемых пропозиций модус воображения подчиняет пропозиции с оценочным, квалифицирующим или интерпретирующим суждением 'вообразить кого-то кем-то/ таким', ср.: *I imagine him as a distinguished old gentleman* [CED]. В терминах И. Б. Шатуновского речь идет о «субъективных мнениях», по отношению к которым «компонент 'есть (в действительности)' выбывает из игры» [Шатуновский 1996, с. 259]. Квалифицирующие суждения, вводимые модусом воображения, часто вводят то, «что приятно субъекту, тешит его самолюбие» [Апресян, 2004, с.136], ср.: *The bellboy showed his teeth in what he imagined was an accommodating smile* [Shaw, 2005, p. 56]. В семантику такого типа высказываний входит семантический компонент 'а на самом деле это не так', актуализирующий несогласие говорящего с передаваемым мнением. Неприсоединение говорящего к мнению или установке субъекта Е. В. Падучева трактует как «несочувственная» интерпретация подчинительной конструкции [Падучева, 1996, с. 326].

Как явствует из анализа языковых фактов, модус воображения оказывается коммуникативно значимым при моделировании диалогического поведения. Апелляция к интенциональному состоянию адресата посредством эксплицитного модуса воображения является «одним из тактических приёмов диалога» [Арутюнова, 1999, с. 659], позволяя выразить несогласие с предшествующим утверждением, вступить в полемику с собеседником. Обратимся к фрагменту, описывающему обсуждение супругами ситуации развода. Жена не претендует на деньги мужа, но намерена оставить с собой детей, ср.: *“What she wants is the children. The answer is you can't have the children”*. – *“How perfectly outrageous”!* Choupette cried. *“Do you imagine for a minute I am going give up my children?”* [Fitzgerald, 1997, p. 150]. Содержание пропозиции *you can't have the children* в предшествующей реплике мужа выражает категоричное утверждение, что дети не могут остаться с матерью. Ответной репликой жена апеллирует к модусу адресата, программируя противоположное истинностное значение. Риторический вопрос с модусом

воображения содержит импликацию ложности мнения – ‘напрасно, зря ты думаешь, что я откажусь от детей при разводе’, то есть по сути выражает решительное отрицание. Спонтанная эмоциональная реакция *How perfectly outrageous!* эксплицирует несогласие с решением мужа оформить опеку над детьми. Реплики скреплены общим пропозициональным содержанием, но различаются отношением к нему, что и актуализируется оппозицией модусов.

Как явствует из анализа языковых фактов, в семантике модуса воображения представлен целый ряд познавательных процессов, производимых в сознании человека над концептуальным содержанием диктумной ситуации. Семантический диапазон модусных ситуаций воображения свидетельствует о том, что язык «признает» возможности объединения связанных между собой значений под крышей одного знака» [Кубрякова, 2004, с. 284]. Возможности использования языкового знака для активации в процессе коммуникации новой концептуальной структуры составляют неотъемлемую черту знаний говорящего. Исходное значение глаголов воображения категоризует ментальный процесс ‘создавать мысленные образы’, то есть репрезентировать в концептуальном мире то, что на самом деле не существует. Развитие структуры знания, ассоциируемой с языковым знаком, свидетельствует о его способности активизировать новую структуру знания, отражающую «новое видение объекта или помещение его в новую структуру деятельности» [Кубрякова, 2004, с. 65].

Резюме

Итак, в результате исследования языкового воплощения воображения как фрагмента англоязычной языковой картины мира установлен языковой статус данного ментального феномена как категории модусного типа. Модус воображения объективирует структуру знания о формировании в сознании познающего субъекта ментального образа предмета, ситуации, положения дел при отсутствии перцептивного стимула, тем самым представляя субъективный, человеческий аспект в структуре языкового отражения. Сложная структура когнитивно-познавательной деятельности человека, объективируемая через модус воображения, свидетельствует о том, что эта языковая категория занимает значимое место в типологии модусов. Перспективой исследований является дальнейшая категоризация модусных ситуаций воображения, что позволит приблизиться к пониманию закономерностей когнитивной деятельности в области языковой концептуализации и категоризации воображаемой реальности.

Библиографический список

- Апресян, Ю. Д.* Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
- Апресян, Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева. М.: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.
- Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Наука, 1955. 416 с.

- Болдырев, Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Болдырев, Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография (2-е издание). М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.
- Боуфал, З. Р.* Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / З. Р. Боуфал. Томск, 2017. 22 с.
- Вара, Н. Г.* Модусы ценностной концептуализации в английском рекламном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 110-114.
- Веккер, Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
- Вольф, Е. М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. М.: Индрик, 2003. С. 87-101.
- Выготский, Л. С.* Психология. М: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
- Гуссерль, Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб: Наука; Ювента, 1998. 315 с.
- Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Ильчук, Е. В.* Представление когнитивных процессов в семантике английских глаголов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 04 / Е. В. Ильчук. Москва, 2006. 43 с.
- Камшилова, О. Н.* Семантико-синтаксическая организация предложений с модусными предикатами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Н. Камшилова. Л., 1984. 29 с.
- Кассирер, Э.* Собрание сочинений: в 3 т. М. СПб: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык. 271 с.
- Клетицова, Т. А.* Лингвистические метарепрезентации: монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2008 (СПб. : ЦНИТ «Астерион»). 249 с.
- Кораблина, Т. И.* Языковые средства выражения модуса «воспоминание» в традиционной и современной лексикографии // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»): мат-лы Всероссийск. науч. конф / под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2015. С. 97-101.
- Кубрякова, Е. С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
- Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с. (Studia Philologica).
- Матханова, И. П.* О модусе «осторожности» в научном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): мат-лы Всероссийск. конф. / под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2005. С. 153-156.
- Немов, Р. С.* Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. 4-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. Кн. 1: Общие основы психологии. 688 с.
- Падучева, Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с. (Studia philologica).
- Переверзев, К. А.* Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 255-267.

- Перфильева, Н. П.* «Надежда» как модусная категория // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6(34). С. 201-211.
- Перфильева, Н. П.* Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс. Новосибирск, 2012. С. 24-33.
- Рябцева, Н. К.* Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 51-57.
- Рябцева, Н. К.* Язык и естественный интеллект. РАН Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Селиверстова, О. Н.* Труды по семантике. М.: Языки русской культуры, 2004. 960 с. (Studia philologica).
- Семенова, Т. И.* Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.
- Солсо, Р.* Когнитивная психология 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
- Степанов, Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 5-42.
- Трипольская, Т. А.* Модусное значение «важности» и способы его выражения // Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матханова. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 27-33.
- Трушков, М. А.* «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №2 (51). С. 78-89.
- Урысон, Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с. (Studia philologica).
- Шатуновский, И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. 400 с.
- Шерсткова, И. А.* Семантическая модель английских глаголов воображения: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / И. А. Шерсткова. Уфа, 2009. 27 с.
- Austin, J.* Other Minds // Philosophical Papers. 3-d edition / ed. by J. O. Urmson and G. J. Warnock. Oxford : Oxford University Press, 1979. P. 76-116.
- BNC – British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (дата обращения: 27.04.2021)
- CEC – Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 09.02.2018).
- Chase, J. H.* Come Easy Go Easy. М.: Айрис-пресс, 2003. 384 с.
- Cheever, J.* Selected Prose. М.: Изд-во «Менеджер», 2003. 304 с.
- Christie, A.* Five little pigs. М.: Изд-во «Менеджер», 2002. 228 с.
- Devitt, M.* Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language / M. Devitt, K. Sterelny. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1985. 253 p.
- Fauconnier, G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. 3-d edition. N.Y: Cambridge Univ. Press, 2003. 190 p.
- Fitzgerald, F. S.* Tender is the Night. Penguin Books Ltd., England. 1997. 392 p.
- Fodor, J. A.* The Language of Thought. Second Printing. Cambridge (Mass.): Harv. Univ. Press, 1980. 214 p.
- Kövecses, Z.* Language, mind, and culture: a practical introduction. Oxford; New York: Oxford. 2006. 389 p.
- Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar. (Theoretical prerequisites, 1.) Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
- Lee, D.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford, New York: OUP, 2004. 223 p.
- Ljung, M.* Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English. 1980. Vol. 46. P. 48-127.
- Malcolm, N.* Knowledge and Certainty. Essays and Lectures. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1975. 244 p.
- OLD – Oxford Living Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения: 23.03.2021).

OELDCE—Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby with the ass. of A.P. Cowie. London: Oxford Univ. Press, 1982. Vol. 1, 2.

Putnam, H. Other Minds // Mind, Language and Reality. Philosophical papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2. P. 342 – 361.

Roth, P. American Pastoral. London: Vintage Books, 1997. 423 p.

Searle, J. R. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. Searle. – N.Y.: Basic Books, 1999. 175 p.

Shaw, I. Nightwork. СПб.: Антология, КАРО, 2005. 448 с.

References

Apresyan, Yu. D. New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 1488 p. (In Russian).

Apresyan, Yu. D. Selected works: in 2 volumes. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1995. V. 2. Integral description of language and system lexicography. 767 p. (In Russian).

Arutyunova, N. D. The language and the human world. 2nd ed., rev. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 p. (In Russian).

Austin, J. Other Minds // Philosophical Papers. 3-d edition / ed. by J. O. Urmson and G. J. Warnock. Oxford : Oxford University Press, 1979. P. 76–116. (In English).

Bally, Sh. General linguistics and questions of the French language. Moscow: Nauka, 1955. 416 p. (In Russian).

Boldyrev, N. N. Cognitive schemas of language interpretation // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki, 2016. No. 4. P. 10-20. (In Russian).

Boldyrev, N. N. Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language: monograph (2nd edition). M.: Publishing House YASK, 2019. 480 p. (In Russian).

Boufal, Z. R. Actualization of mode categories in dialectal utterance: authorization and persuasiveness: PhD abstract: 10.02.01 / Z. R. Boufal. Tomsk, 2017. 22 p. (In Russian).

BNC – British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (accessed 27.04.2021).

CED – Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (accessed 09.02.2018). (In English).

Cassirer, E. Collected works: in 3 volumes. M. – St. Petersburg: University book, 2002. – V. 1. Language. 271 p. (In Russian).

Chase, J. H. Come Easy Go Easy. M.: Ayris-press, 2003. 384 p. (In English).

Cheever, J. Selected Prose. M.: Menedzher, 2003. 304 p. (In English).

Christie, A. Five little pigs. M.: Menedzher, 2002. 228 p. (In English).

Devitt, M. Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language / M. Devitt, K. Sterelny. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1985. 253 p. (In English).

OLD – Oxford Living Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (accessed 23.03.2021). (In English).

Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. 3-d edition. N.Y: Cambridge Univ. Press, 2003. 190 p. (In English).

Fitzgerald, F. S. Tender is the Night. Penguin Books Ltd., England. 1997. 392 p. (In English).

Fodor, J. A. The Language of Thought. Second Printing. Cambridge (Mass.): Harv. Univ. Press, 1980. 214 p. (In English).

Husserl, E. Cartesian Mediations / translated by D. V. Sklednev. SPb: Nauka; Juventa, 1998. 315 p. (In Russian).

Ilchuk, E. V. Representation of cognitive processes in the semantics of English verbs: doctoral abstract: 10.02.04 / E.V. Ilchuk. Moscow, 2006. 43 p. (In Russian).

Kamshilova, O. N. Semantic-syntactic organization of sentences with modus predicates: PhD thesis: 10.02.04 / O.N. Kamshilov. L., 1984. 29 p. (In Russian).

Klepikova, T. A. Linguistic metarepresentations: monograph. St. Petersburg: Asterion, 2008. 249 p. (In Russian).

- Korablina, T. I.* Linguistic means of expressing the modus “recollection” in traditional and modern lexicography // *Word. Vocabulary. Literature: Dynamic processes in language, speech and vocabulary. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (on the 50th anniversary of the publication of the academic “Dictionary of the Modern Russian Literary Language”)*. Saint Petersburg: Saga, 2015. P. 97–101. (In Russian).
- Kövecses, Z.* *Language, mind, and culture: a practical introduction*. Oxford; New York: Oxford. 2006. 389 p. (In English).
- Kubryakova, E. S.* *In search of the essence of language: cognitive research*. M.: Znak, 2012. 208 p. (In Russian).
- Kubryakova, E. S.* *Language and knowledge: towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 p. (Language. Semiotics. Culture).
- Kustova, G. I.* *Types of derived values and mechanisms of language expansion*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 472 p. (In Russian).
- Langacker, R. W.* *Foundations of cognitive grammar. (Theoretical prerequisites, 1.)* Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p. (In English).
- Lee, D.* *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Oxford, New York: OUP, 2004. 223 p. (In English).
- Ljung, M.* *Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English*. 1980. Vol. 46. P. 48-127. (In English).
- Malcolm, N.* *Knowledge and Certainty. Essays and Lectures*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1975. 244 p. (In English).
- Matkhanova, I. P.* *On the mode of “caution” in a scientific text // Word. Vocabulary. Literature: Ecology of language (to the 250th anniversary of the birth of A. S. Shishkov): Proceedings of the All-Russian Scientific Conference / ed. V. D. Chernyak*. Saint Petersburg: Saga, 2005. P. 153-156. (In Russian).
- Nemov, R. S.* *Psychology: Textbook for students of pedagogical institutions*. In 3 books. 4th ed. M.: Gumanit. publ. center VLADOS, 2003. – Book. 1: *General Foundations of Psychology*. 688 p. (In Russian).
- OLD – Oxford Living Dictionary. URL:<https://en.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения: 23.03.2021).
- Paducheva, E. V.* *Dynamic models in the semantics of lexicon*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 608 p. (In Russian).
- Paducheva, Ye. V.* *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 464 p. (in Russian).
- Pereverzev, K. A.* *Spaces, situations, events, worlds: to the problem of linguistic ontology // Logical analysis of language. Languages of spaces / resp. ed. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina*. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. P. 255–267. (In Russian).
- Perfilyeva, N. P.* *Hope as a modus category // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. 2016. No. 6 (34). P. 201-211. (In Russian).
- Perfilyeva, N. P.* *Modus of recollection: between truth and falsehood (based on memoirs) // Discourse of falsehood and false discourse*. Novosibirsk, 2012, P. 24-33. (In Russian).
- Putnam, H.* *Other Minds // Mind, Language and Reality. Philosophical papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2. P. 342-361. (In English).
- Roth, P.* *American Pastoral*. London: Vintage Books, 1997. 423 p. (In English).
- Ryabtseva, N. K.* *Language and natural intelligence*. M.: Academia, 2005. 640 p. (In Russian).
- Ryabtseva, N. K.* *Mental modus: from vocabulary to grammar // Logical analysis of language. Mental actions*. Moscow: Nauka, 1993. P. 51-57. (In Russian).
- Searle, J. R.* *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. Searle. – N.Y.: Basic Books, 1999. 175 p. (In English).

- Seliverstova, O. N.* Works on semantics. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2004. 960 p. (Studia philologica). (In Russian).
- Semenova, T. I.* Linguistic phenomenon of seemingness. Irkutsk: ISLU, 2007. 237 p. (In Russian).
- Shatunovskiy, I. B.* Semantics of the sentence and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics). M.: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 1996. 400 p. (In Russian).
- Shaw, I.* Nightwork. SPb.: Antologiya, KARO, 2005. 448 p. (In English).
- Sherstkova, I. A.* A semantic model of the English verbs of imagination. PhD abstract: 10.02.04 / I. A. Sherstkova. Ufa, 2009. 27 p. (In Russian).
- Solso, R.* Cognitive Psychology. Saint Petersburg: Piter, 2006. 589 p. (In Russian).
- Stepanov, Yu. S.* In the world of semiotics // Semiotics: Anthology / comp. Yu. S. Stepanov. Ed. 2nd, rev. and add. M.: Akademicheskii proyekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. P. 5-42. (In Russian).
- Trushkov, M. A.* "Typical" and "imperceptible" as modus language category // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2017. №2 (51). P. 78-89. (In Russian).
- Trypolskaya, T. A.* Modus meaning of importance and ways of expressing it // Modality in its connections with other categories: interuniversity proceedings / ed. I. P. Matkhanov. Novosibirsk: NGPI, 1992, P. 27-33. (In Russian).
- Uryson, E. V.* Problems of studying the language picture of the world: Analogy in semantics. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 224 p. (In Russian).
- Vara, N. G.* Modes of value conceptualisation in english advertising discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2013. No. 2 (18). P. 110-114. (In Russian).
- Vekker, L. M.* Psychic and Reality: a Unified Theory of Mental Processes. Moscow, Smysl, 1998. 685 p. (In Russian).
- Vygotskiy, L.S.* Psychology. M.: EKSMO-Press, 2000. 1008 p. (In Russian).
- Wol'f, E. M.* Subjective modality and semantics of proposition // Logical Analysis: Selected Works. 1988–1995. Ed. N. D. Arutyunova, N. F. Spiridonov. M.: Indrik, 2003. P. 87-101. (In Russian).
- Zaloznyak Anna A.* Polysemy in a language and ways of its presentation. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 672 p. (In Russian).